

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

РОЖДЕСТВЕННЫЕ
БУРИ И ШТИЛЬ

Элизабет Гаскелл

Рождественные бури и штиль

«Public Domain»

1848

Гаскелл Э.

Рождественные бури и штиль / Э. Гаскелл — «Public Domain»,
1848

«В одном городе (нет нужды, где именно) издавалась две местные газеты (нет нужды, когда именно). Газета «Flying Post» издавалась давно и имела вид respectable, она была органом фанатизма и ториев; газета «Examiner» отличалась остроумием и положительностью суждений; она была новая газета и пользовалась покровительством демократов...»

Элизабет Гаскелл

Рождественные бури и штиль

В одном городе (нет нужды, где именно) издавалась две местные газеты (нет нужды, когда именно). Газета «Flying Post» издавалась давно и имела вид respectable, она была органом фанатизма и ториев; газета «Examiner» отличалась остроумием и положительностью суждений; она была новая газета и пользовалась покровительством демократов. В этих двух газетах еженедельно появлялись статьи бранного содержания, такие рьяные и свирепые, как обыкновенно бывают статьи подобного рода; очевидно, это были произведения раздраженных умов, несмотря на одно и тоже стереотипное вступление: «хотя статья, появившаяся На прошлой недели в газете „Flying Post“ (или „Examiner“) не заслуживает нашего внимания, но мы считаем долгом» и проч. и проч. Каждую субботу лавочники-радикалы пожимали руки друг другу и соглашались, что умная газета «Examiner» славно отделала, бойко отхлестала газету «Flying Post»; между-тем, как более степенные тории выражали сожаление, что Джонсон напрасно расстачает свое остроумие против ничтожной газеты, которую читает одна только чернь, и которая находится при последнем издыхании.

Не так это было на самом деле. Газета «Examiner» жила и процветала, по крайней мере, она *окупалась*, как выражался один из героев моего рассказа. Это был главный наборщик: пожалуй, вы можете назвать его, как вам угодно, я только говорю, что это был человек, заведовавший механической частью газеты. В сочинение больших статей он не пускался, но раза два в неделю, когда оригинала оказывалось недостаточно, он, без ведома редактора, наполнял пустое место собственными своими сочинениями, в роде объявлений необычайных предметах, как-то: о зеленых бобах и горохе в декабре, о появлении серых дроздов или белых зайцев, и тому подобных, в высшей степени интересных феноменах. Правда, все это был чистейший вымысел, причудливая изобретательность ума, но что же за беда? Его жена узнавала заранее о появлении литературных статей мужа, по его особенному кашлю, служившему вместо прелюдии. Вследствие этого ободряющего признака, и громкого, выразительного голоса, которым он читал свои сочинения, жена его имела расположение думать, что «Ода на рано распутившийся розовый бутон», занимавшая место в отделе, посвященном оригинальной поэзии, и письмо в отделе корреспонденции, с заглавием: «Pro Bono Publico», были творческими произведениями её супруга, и на этом основании она нередко вздергивала нос.

Никаким образом не мог я постичь, что заставило Годгсонов квартировать в одном доме с Дженкинсами. Дженкинс занимал тоже место в редакции газеты «Flying Post», какое Годгсон в редакции «Examiner», и, как я уже сказал, предоставляю вам самим дать этому месту название. Дженкинс имел основательное и верное понятие о своем положении, и питал должное уважение ко всем властям: от правительства, в лице короля, до редактора и субредактора. Ни за какие сокровища в мире он не решился бы пополнить пустоту в журнале своими сочинениями, и я полагаю, что ненависть его к Годгсону увеличилась бы еще вдвое, если б он узнал о «произведениях его ума», как выражался Годгсон, нежно рассуждая с своей благоверной о статьях, заменявших в журнале пробелы.

Дженкинс также был женат. Только жены и были нужны, чтоб завершить полноту ссоры, существовавшей в рождественские праздники, лет двадцать тому назад, между двумя соседями, двумя наборщиками. При женах из этого вышла очень миленькая и полная ссора. Для равновесия двух враждующих сторон надобно еще прибавить, что, если Годгсоны имели ребенка (такого милашку! маленького крошку!), то мистрисс Дженкинс имела кота (славного кота! огромного, лакомого, умевшего как-то особенно мяукать, кота, который почти постоянно воровал молоко, оставляемое на ужин маленького крошки!). После такого объяснения равноммерных сил и средств той и другой стороны, мы можем приступить к описанию войны.

Это было накануне Рождества. День был морозный; дул, холодный восточный ветер, небо застилалось тяжелыми темными тучами; человеческие лица казались длинными и мрачными, потому что им приходилось пробывать под влиянием такой погоды долее обыкновенного, чтоб сделать закупки для наступавшего праздника.

Утром этого дня, Дженкинс, уходя из дому, дал жене несколько денег на покупку провизии для праздничного обеда.

– Для меня, душа моя, купи, пожалуйста, индюшку и сосисек. Быть может, это слабость, но, признаюсь откровенно, я люблю сосиски. Покойная матушка была равнодушна к ним. Подобные вкусы передаются в наследство. Что касается до пирожного, до плюмпуддинга или сладких пирожков, это я предоставляю на твое усмотрение; об одном только прошу тебя, не стесняйся в деньгах: ведь Рождество бывает только раз в году.

И, спустившись с лестницы, у самых дверей квартиры Годгсона, Дженкинс снова закричал:

– Не забудь же сосисек, душа моя! (Какое хвастовство! заметил мистер Годгсон).

– Я бы желал, Мэри, чтоб завтра за обедом было что-нибудь сверх обыкновенного, говорил Годгсон, составляя с женой планы относительно следующего дня: – но я думаю ограничиться ростбифом. Ведь у нас семейство, душа моя.

– Что за семейство, Джем. Кроме ростбифа, я ничего больше не хочу. Когда еще я не была в услужении, мы с матушкой всегда считали ростбиф за отличное блюдо.

– Уж ты так и сделай. . . . ростбиф и плюмпуддинг! И затем, до свиданья. Береги маленького Тома. Мне показалось, как будто он немножко охрип сегодня.

Сказав это, он отправился к своим занятиям.

Прошло уже много времени с тех пор, как мистрисс Дженкинс и мистрисс Годгсон не говорили одна с другой, хотя каждая из них превосходно знала, что делала и думала другая. Мистрисс Дженкинс знала, что Мэри ненавидела за то, что не имела настоящего кружевного чепчика, какой имела мистрисс Годгсон; что была она некогда служанкой, чем никогда не бывала мистрисс Дженкинс; небольшие ограничения, к которым мистрисс Годгсон принуждена была прибегать, чтоб свести, как говорится, концы с концами, Мэри переносила бы весьма терпеливо, если б не боялась, что подобного рода экономия известна мистрисс Дженкинс. Но отместка была у неё под рукой. У ней был ребенок, а у мистрисс Дженкинс ни одного. За участие иметь ребенка, даже такого крошку, как маленький Том, мистрисс Дженкинс согласилась бы носить самые простые чепчики, сама бы чистила медную посуду и трудилась бы денно и нощно. Величаясь, невыразимая неудача в жизни отравляла её спокойствие, остановила в ней развитие душевных сил, сделала ее болезненной и самолюбивою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.